

Гоудань шагал так быстро, словно за ним гнался дикий зверь. Он до сих пор не мог прийти в себя от того неистового фанатизма, с которым давешняя девица распиналась о делах своего кружка. Ладно еще рассуждать о судьбах родины, но с каких это пор вчерашние школьники начали советовать правительству, как управлять государством? А если к ним не прислушаются — так сразу митинги устраивать да демонстрации? Не слишком ли много они на себя берут?

Все это до боли напоминало хунвейбинов, которых он навидался в детстве. Жуткое было время, да и жизнь уже доказала, что те бесчинства ни к чему хорошему не привели.

Гоудань направился к старосте класса. Их комнаты в общежитии разделяли всего две двери по коридору. Подойдя, он постучал:

— Чэнь Чжэнвэнь, ты у себя? Открывай.

— Кого там принесло? О, Ли Кай, заходи!

Гоудань помахал зажатым в руке письмом:

— Слушай, если для меня опять что-то придет, отдай лучше Чжао Шэну или кому-нибудь из наших ребят. А еще лучше — сразу мне в руки. Негоже девчонке по такому морозу бегать, мне аж неловко перед ней. Дружище, войди в положение.

Чэнь Чжэнвэнь так и покатился со смеху:

— И что, неужто она даже не покраснела, когда отдавала? А?

Гоудань лишь нахмурился:

— Она зазывала меня в поэтический кружок. И еще в какое-то «Патриотическое общество».

— Ха-ха-ха! — загоготал староста. — Ну точно, ты у нее на особом счету! Да она девка неплохая, без задней мысли, просто уж больно деятельная — спит и видит, как бы еще кого-нибудь в свои секции затащить. Меня самого так уломала, что пришлось-таки записаться, чтобы только отвязалась. Ладно, заметано, больше твои письма через третьи руки передавать не буду.

— Спасибо, выручил. Будет время — соберемся, поболтаем.

Вернувшись к себе, Гоудань кивнул Чжао Шэну — единственному, кто сейчас был в комнате, — отпер ящик стола и бросил туда конверт, решив прочесть его вечером. В ящике уже скопилась приличная стопка писем от бывших одноклассников по уездной средней школе, но больше всего вестей приходило от Цичжи.

Этот оболтус, поступивший в Провинциальный педагогический институт, строчил вовсе не от великой тоски по другу — ему просто не терпилось выплеснуть переполнявшие его восторг и жажду новых открытий. Поначалу он умудрялся присылать по три письма в неделю, забывая их всякой чепухой. Восхищался огромной столовой, которая ни в какое сравнение не шла со школьной, хвастался легкой учебой и наперебой расписывал местных красавиц. Стоило любой ерунде прийти ему в голову, как он тут же хватался за бумагу.

Со временем его пыл угас до одного письма в неделю, а в последнее время вестей почти не приходило — должно быть, всюю готовился к сессии.

Гоудань дорожил старой дружбой, так что за первый семестр успел отправить и получить целую гору писем. Телефонном пользовались редко. Аппарат стоял внизу, на вахте, и каждый раз, когда кто-то звонил, дежурная тетушка истошно вопила на весь коридор: «Такой-то курс, такая-то группа, комната такая-то, живо к телефону!» Аппарат трезвонил оглушительно, но голос вахтерши гремел еще громче — стоило кому-то занять звонок, как об этом моментально узнавало все общежитие от подвала до чердака.

К тому же частенько вызываемый попросту отсутствовал, и звонящий утыкался в короткие гудки.

Поэтому для поддержания связи с бывшими однокашниками бумажные письма подходили куда лучше. В конверт можно было вложить сколько угодно исписанных страниц, да и почта работала вполне сносно.

Хотя у Гоуданя уже имелся пейджер, у большинства его приятелей на такую роскошь денег не водилось. Приходилось закупаться марками — Гоудань брал их целыми листами и делился с Ван Сюанем. Впрочем, последнему писали реже, так что и отвечать ему приходилось не так часто. Порой старые друзья ради экономии отправляли одно письмо на двоих, адресуя его Гоуданю, а тот уже передавал Ван Сюаню причитающуюся ему часть исписанного листа.

Не бегать же на почту за одной маркой всякий раз, когда нужно отправить ответ? Слишком много мороки. Деньги у Гоуданя водились, так что он просто покупал марки целыми листами. Закончив писать, заклеивал конверт, отрезал от листа одну штуку, наклеивал ее и опускал в почтовый ящик у ворот университета.

— Опять письмо? — подал голос Чжао Шэнь.

— Угу.

— Эх, и везет же тебе, все о тебе помнят, — вздохнул тот. — А я вот сам всем пишу, а ответов не допросишься. Ну что за неблагодарные люди! Я ведь о них беспокоюсь, душу в письма вкладываю, а им хоть бы хны.

«Скажи спасибо, что они вообще тебе отвечают, — мысленно усмехнулся Гоудань. — Ты же

строчишь парням, которым твои излияния даром не сдались».

Вслух же он посоветовал:

— Написал бы лучше девчонкам, с которыми раньше хорошо общался. Они-то уж точно ответят.

Гоудань давно заметил, что Чжао Шэн пользовался бешеной популярностью у противоположного пола, но популярность эта была особого свойства — его воспринимали скорее как закадычную подружку. Он умудрялся рассуждать о девичьих заколках, лентах и фасонах платьев с таким знанием дела, словно сам только этим и жил. Пока остальные парни ломали голову, как бы хоть словом обмолвиться с приглянувшейся сокурсницей, Чжао Шэн уже весело болтал с ней обо всяких пустяках.

Мужская половина курса исходила завистью, а сам Чжао Шэн лишь уныло вздыхал: ни одна из девчонок не рассматривала его как потенциального ухажера — исключительно как подружку. А ведь он тайно сох по первой красавице группы и, возвращаясь в общежитие после очередной неудачи, не раз оглашал комнату жалобными стенаниями.

— Тебе бы почаще с парнями общаться, — заметил Гоудань. — Ты так привык к девичьим разговорам, что они просто не понимают твоих намерений. Для них ты обычный сплетник, а не парень, который пытается ухаживать.

— Нож мне в печень, Ли Кай, умеешь ты утешить! — запричитал Чжао Шэн. — Да я же не нарочно, привычка это! У меня дома сестер целая орава. Стоило им собраться на свидание, как меня вечно совали им в провожатые для прикрытия — работал живым щитом. Вот и наловчился обсуждать, какая юбка к какой кофточке подходит, как из трех тряпок собрать приличный наряд и как накраситься, чтобы не выглядеть пугалом. Теперь, как вижу девчонку, язык сам чешется совет дать. И почему они сразу во мне подружку видят?

Гоудань едва не покатился со смеху. Отсмеявшись, он со вздохом покачал головой:

— Тебя с утра до вечера окружали женщины, а у меня в семье все с точностью до наоборот. Я вообще без понятия, что у них в головах творится. Вечно шумят, суетятся, а логику в их речах днем с огнем не сыщешь.

Стоило коснуться излюбленной темы, как у Чжао Шэна загорелись глаза. Мгновенно позабыв о недавней меланхолии, он авторитетно заявил:

— Женская натура — штука хитрая: с одной стороны, темный лес, с другой — все на ладони. Вот смотри, к примеру...

И он пустился в такие пространные объяснения с кучей примеров из жизни, что у Гоуданя от

удивления глаза на лоб полезли.

— Ну ты и силен, — только и смог выдавить Гоудань.

— А то! — гордо вскинул подбородок Чжао Шэн, но тут же опять сдулся: — Только толку-то? Если я их так хорошо знаю, почему со мной никто встречаться не хочет? Вот ведь парадокс: все про них понимаю, а завести нормальные отношения с девчонкой не могу.

— Рано тебе еще голову забивать, — резонно возразил Гоудань. — Мы ведь пока студенты. Даже если заведешь роман, жениться все равно никто не позволит. Как там говорится? «Любовь без намерения жениться — чистой воды хулиганство». К чему спешка? Ты — студент одного из лучших вузов страны, без пяти минут элита. Думаешь, после выпуска за тебя замуж никто не пойдет? Да к тебе свахи в очередь выстроятся, порог дома обивать будут. К тому же мы только на первом курсе, впереди еще четыре года учебы. Чего паниковать? Терпение и труд все перетрут, и любая крепость падет.

Чжао Шэн поразмыслил над его словами и приободрился:

— А ведь верно говоришь! Надо же, Ли Кай, не думал, что ты умеешь так складно утешать.

Тем временем черед экзаменов катилась своим чередом. К концу сессии все до того притерпелись к бесконечной зубрежке, что былой мандраж бесследно испарился. Студенты просто сверялись с расписанием, хладнокровно шли в назначенную аудиторию и строчили ответы на билеты.

«Ничего сверхъестественного», — делился потом Гоудань своими впечатлениями с Ван Сюанем.

Как только отгремел последний экзамен, общежитие забурило: все бросились соображать, какими столичными гостинцами порадовать родню и друзей. В те годы вырастить студента-очника считалось невероятной честью для всей семьи, и от вернувшегося на каникулы баловня судьбы ждали чего-то особенного. Привезти подарки из самой столицы было делом чести: и близким радость, и самому приятно потешить самолюбие — мол, не зря уехал, вернулся с почетом.

Студенческий билет открывал многие двери, а главное — давал солидную скидку на проезд. Да и сами ребята безмерно гордились своим статусом. Достаточно было взглянуть на их грудь: новенькие эмалированные значки вузов они не снимали даже в дороге. И всякий раз, ловя на себе завистливые и полные уважения взгляды случайных попутчиков, невольно расправляли плечи.

Впрочем, Гоудань и Ван Сюань уезжать не спешили — держали дела. Особенно крутился Гоудань: едва закрыв сессию, он с головой ушел в торговлю. Чем ближе подступал Новый год, тем сильнее закручивался водоворот забот. Выкраивая свободные часы, он бегал по столичным

лавкам и универсамам, высматривая, какими товарами запасаются горожане к праздничному столу, что разлетается быстрее всего и какими объемами закупаются оптовики.

Просто глазеть со стороны толку было мало. Гоудань заговаривал с продавцами, покупал какую-нибудь мелочь и за ненавязчивой беседой выпрашивал о примерной дневной выручке. Все равно ведь нужно было везти гостинцы в деревню Сикань, да и доктор Цинь просил помочь закупить кое-что к празднику. К знаменитому лекарю под Новый год рекой текли подношения от благодарных пациентов, но сам старик со своим домашним обиходом обходился на удивление небрежно.

Гоудань за время знакомства не раз подмечал, насколько неприхотлив и даже суров был доктор Цинь и его помощник Су Хэвэн. Из-за этого Ван Сюань вечно изводил себя тревогами: мол, уедет на каникулы, и шифу опять перебьется сухими маньтоу с соленьями, которые он заранее на пару наготовил и оставил в погребе.

Рядом с пожилым врачом оставался лишь старший ученик Су Хэвэн. Разве что под самый праздник заглянут другие ученики с детьми и внуками — поздравить наставника.

В обычные дни старик жил уединенно и, пожалуй, тосковал. Из-за своего прямого и неуступчивого нрава он слыл среди соседей человеком со странностями. Но Гоудань прекрасно понимал подобные характеры. И хотя сам не успел близко сойтись с доктором Цинем, питал к суровому лекарю искреннее уважение — хотя бы за то, как тепло тот относился к Ван Сюаню.

Гоудань попытался разыскать Чэн Шу, но того и след простыл. Общие знакомые обмолвились, что парня, скорее всего, снова услали на тренировочные сборы. Семья Чэн Шу наотрез отказалась отпускать его на военную службу, но против того, чтобы парень закалил характер и тело в суровых условиях, ничего не имела.

В столице знатных семей хватало, а уж их отпрысков во втором и третьем поколениях — и подавно. Делились эти столичные штучки на два лагеря: одни вовсю пользовались связями родителей, чтобы выбиться в люди и стать еще успешнее, другие просто прожигали жизнь, не зная забот и хлопот.

Но была у них одна общая черта — спесь.

И те, что стремились к вершинам, и те, что бездельничали, одинаково ревностно оберегали границы своего круга от чужаков. Гоудань и сам поначалу удивлялся, как это Чэн Шу сошелся с ним. Но парень никогда не смотрел на него свысока и не держал за мальчика на побегушках, так что Гоудань платил ему искренним дружеским расположением.

Сам Гоудань умел лавировать, ради выгоды мог и пойти напролом, проявив изрядную наглость, но и у него было чувство собственного достоинства. Если разговор не клеился, навязываться и лезть из кожи вон ради чужой благосклонности он не стал бы ни за что — себе дороже. Как заговаривал безымянный настоятель храма: «И дружбу водить, и дела вести надобно так, чтобы на душе легко было».

Поскольку связаться с Чэн Шу не удалось, пришлось перекраивать планы на ходу. Гоудань спал и видел, как бы подзаработать на предновогодней суматохе, но разорваться надвое не мог — поджимали сроки, скоро нужно было уезжать домой.

«Всех денег все равно не заработаешь», — уговаривал он себя, хотя сердце все равно обливалось кровью при мысли об упущенной выгоде.

По его наблюдениям, именно под Новый год покупательская лихорадка достигала своего пика. В эти недели люди сметали с прилавков абсолютно всё, и выудить монету из чужого кармана было куда проще, чем в любое другое время года.

Да и столичные жители сильно отличались от его земляков из деревни Сикань. Деревенские за последние годы хоть и разжились копейкой, все равно по старинке стремились обходиться своим хозяйством, покупая лишь то, что невозможно вырастить или смастерить вручную. Горожане же целиком зависели от прилавков. Именно поэтому вести дела в городе было несравнимо легче и прибыльнее.

<http://bllate.org/book/19654/1996802>